

Трио представляло собой странное зрелище, спускаясь по лестнице Когтевранской башни. Живоглот шёл первым с высоко поднятым хвостом, Гермиона следовала за ним примерно в десяти шагах позади, а Малфой держался последним, словно не хотел быть слишком близко ни к кому из них. Парень спускался по ступенькам, а фракталы света, струящиеся из витражных окон, отбрасывали странные формы цвета на его бледные локоны и кожу. Грейнджер взглянула на свою руку, захватившую перила, и увидела, что та попеременно купалась в зеленоватых, красных и голубых цветах.

Дойдя до самого низа, она стала ждать. Её спутник, казалось, никуда не спешил, источая упрямое бесстрашие, которое точно уж было Малфойским. Живоглот терпеливо сидел у её ног. Когда он наконец присоединился к ним, девушка спросила:

— Куда бы хотел отправиться в первую очередь?

— Сюда, — ответил он, направляясь в ту же сторону, что и во время предыдущего патрулирования. Казалось, в голове его устоялся определённый маршрут.

Старосты пошли в ногу, и между ними повисла неловкая тишина. Гермионе казалось, что парень молчал намеренно. А потому девушка решила тишину не нарушать; если хочет провести смену в нелепой и неразговорчивой форме, то это его проблема. Они уже прошли половину маршрута и направлялись к подземельям, когда Драко, наконец, повторил:

— Шалость удалась?

Грейнджер вдруг застыла, сильно побледнев.

— Чего?

Как он мог узнать о Карте Мародёров?

— Значит, это всё-таки что-то да значит.

Прищурившись, она попыталась подавить волнение.

— Где ты это услышал?

— В субботу вечером ты вернулась в гостиную после комендантского часа, — объяснил он. — Была одна, держала в руке большой пергамент. Я сидел у камина, но, хоть ты и оглянулась, походу, меня не заметила. Затем прошептала «шалость удалась» и поднялась в спальню.

Она поняла, что он говорит правду, потому что именно это в субботу и произошло. В попытке вспомнить Гермиона осознала, что совсем на карту и не взглянула, прежде чем войти в

гостиную, иначе наверняка бы заметила имя Малфоя и убрала пергамент куда подальше. Проклиная себя за неумелость, девушка спросила:

— Почему сидел один в темноте?

— Ждал, — легко ответил он.

— Ждал чего?

— Отличный ход, Грейнджер, — усмехнулся Драко. — Твой трюк почти сработал. Я всего лишь хотел узнать, что значит «шалость удалась», а в итоге мы снова говорим обо мне. Вот и в тебе проснулась слизеринка. К сожалению, твой фокус также подтверждает, что эта фраза значит для тебя нечто большее, ведь ты бы с лёгкостью ответила прямо, лишь бы закончить разговор.

— Я такая глупая, — ответила она, — подумала, что тебе нравится говорить о себе.

— Твоё впечатление оказалось неверным. Я нахожу разговоры о себе совершенно неинтересными.

Гермиона насмешливо фыркнула.

— Без твоего эго тело твоё попросту бы сдулось.

От его язвительного взгляда девушка ощутила неловкую дрожь в коленях, но на вызов не поддавалась. Вместо этого она, задрав нос, вальсировала впереди Драко, ведя его по холодным, затемнённым коридорам в сторону подземелий. Когда он снова догнал её, то прошипел:

— Не уходи от меня, когда мы разговариваем, Грейнджер.

— А мы разве разговаривали? — легкомысленно поинтересовалась она, решив, что подобный ответ рассердит парня больше всего. И она явно не разочаровалась. — А мне-то казалось, что мы закончим патрулирование в безмолвной тишине, перекидываясь парой фраз лишь по необходимости. Не то чтобы мне нравилось совершать обход вместе с тобой. Чувство, я уверена, взаимное.

— Если хочешь знать, я ждал в субботу тебя, чтобы удостовериться, что с тобой после вечеринки всё в порядке. Я не знал, что подобное поведение считается проявлением плохих манер, — Грейнджер в ответ прыснула.

— Ты чего?

— Ждал. Чтобы удостовериться, что ты вернулась в гостиную, — повторил он чуть ли не по слогам, как будто говорил с кем-то глупым. — А ещё ждал Ли и Турпин. Они явились вдвоём после полуночи... довольно пьяные, насколько я мог судить. Каким-то чудом поднялись по стольким лестницам и не спалились.

— Почему ты не... не знаю... не объявил о своём присутствии как-нибудь?

Его ответ прозвучал с язвительным сарказмом:

— Ты хотела поговорить со мной? Не знал, что тебе столь приятно моё общество. Поставлю чай с печеньем в следующий раз, — она глубоко вздохнула.

— Мне трудно представить, как ты занимаешься чем-то только благодаря хорошим манерам.

В тёмном каменном коридоре, протянувшемся сквозь подземелья, единственный свет исходил от мерцающих факелов, подвешенных на кованых кронштейнах. Тени проникали в щёлки между камнями, будто пряча между ними многовековые тайны. Малфой издал мрачный смешок, который в сочетании с холодной обстановкой заставил Гермиону с трудом скрыть волны мурашек, пробежавших по позвоночнику.

— Хочешь верь, хочешь нет, Грейнджер, но родители воспитывали меня в основательном духе вежливости и правильного поведения, — она же в ответ на его слова притворилась удивлённой.

— Да ну? А я-то думала, они потратили большую часть своего времени на то, чтобы вбить в твой череп предрассудки о крови да чувство необоснованного превосходства.

Гермиона знала, что затевает ссору с Драко, и всё же клюнула на его приманку. Хоть она и укоряла годами за подобное поведение Рона, ей всё же было трудно слышать об упоминании Люциуса с Нарциссой даже вскользь и не вспоминать при этом пытки. Сам намёк на них во фразах Малфоя заставил её немедленно занять оборону, хватаясь за любой импровизированный щит, валяющийся под боком, пусть он даже будет слабым, пусть он даже будет сарказмом. Только бы защитить душевную рану. Она была ещё свежей и раскрытой. И девушка боялась, что любое поползновение к её воспоминаниям приведёт лишь к расхождению краев, к кровотечению.

Та ночь навеки останется в её памяти...

Беллатриса освободила её от уз своим маленьким серебряным ножом и через мгновение, чуть ли не обезумев, потащила за волосы по полу гостиной. Там, посреди комнаты, Грейнджер подверглась прихотям ведьмы, попеременно то допрашивающей её, то пытающей под Круцио.

Время почти стояло на месте, так что Гермиона не знала, как долго подвергалась ужасу. Каким-то образом ей удавалось сохранять самообладание, чтобы лгать. Усилия по сохранению

разума были непомерными — настолько, что ей пришлось позволить своему телу её предать, распространив влажное тепло по джинсам. Лишь спустя какое-то время девушка поняла, что описалась.

— Гнусная, отвратительная девка, — шипела Беллатриса на ухо. От её рта исходил неприятный запах, такой, будто зубы её давно сгнили. — Надо было сдать тебя Сивому. Он-то не против запятнаться такой грязью, как ты...

Без предупреждения серебряный нож вонзился в предплечье Гермионы, и она снова завизжала...

Позже девушка выяснила, что клинок был проклят. Потому хаотично выведенные каракули — «Грязнокровка» — навсегда останутся там в виде скопления неаккуратных букв, какие можно встретить на дереве в память о коротком летнем романе. Шрам стал самой ненавистой частью её тела.

www.rgsu.by

— Полагаю, у тебя также сложилось впечатление, будто у чистокровных есть какой-то древний набор ритуалов, вынужденный быть соблюденным в силу социальной привычки, — проворчал Драко, вытаскивая Грейнджер из мыслей. Его пальцы сжимали палочку, но, кажется, не были готовы её использовать. — Быть может, что-то о браках по расчёту, ритуальных членовредительствах и магии крови...

— Вообще, я больше думала о жертвоприношении девственниц, — ответила она.

И тогда Малфой в действительности зарычал — звук был чем-то средним между оскорбительным рычанием и мольбой о помощи израненного животного. Но вместо крика он словно замкнулся в себе, заставив Гермиону задуматься о том, что и у него, возможно, есть какие-то хитроумные щиты. Драко пробормотал себе под нос:

— Чёртово гриффиндорское промывание мозгов в лучшем виде.

— Что, прости? — бросила она, готовая встать на защиту своего бывшего факультета. Малфой окинул её ещё одним холодным взглядом.

— Ты — дихотомия, которая просто подышает от желания быть исследованной, Грейнджер.

Потрясённая, она спросила:

— С чего ты это взял?

— Такое ощущение, что ты не можешь соединить воедино свои идеалы и поступки... Как будто ты даже не знаешь, на чьей стороне находишься. На первый взгляд, ты рассуждаешь о равенстве, но потом оборачиваешься и оскорбляешь чистокровных за то, какие мы есть. Тратишь время на то, чтобы справиться с этим кустом на голове, который называешь волосами, а затем поганишь свою осанку, таская повсюду пятьдесят миллионов книг. Для этого, к слову, заклинания есть. Ты невыносима властна, когда дело доходит до соблюдения правил, но потом сама же их игнорируешь, когда тебе того хочется — например, чтобы сходить на вечеринку в свободное от учёбы время.

Гермиона замолчала, её руки сжались в кулаки, а лицо стало тёплым. Они всё ещё стояли посреди пустынного коридора, ведущего к классу Зелий.

— И, напоследок, самое загадочное из всех, — заключил Малфой, засовывая кулаки в карманы брюк, палочка его продолжала торчать с правой стороны. — Всего несколько дней назад ты сказала мне быть осторожным в выборе своих слов, ведь они могут кого-то ранить — то, о чём я и сам знал всю свою жизнь, хочешь верь, хочешь нет, — а сегодня вечером твой собственный язык стал колючим.

Гермиона вдруг ощутила странный стыд за подобные правдивые комментарии, но всё же продолжала противиться, в значительной степени из-за нежелания отказываться от эмоциональной защиты, в особенности рядом с ним.

— Ты никогда не казалась мне лицемеркой, Грейнджер.

Девушку охватила внезапная вялость, борющаяся с учащённым сердцебиением. Стены вдруг стали сужаться. Чувствуя, что дыхание сбивается, Гермиона ощущала приближение панической атаки и думала, в силах ли её остановить, пока Малфой не заметил.

<http://tl.rulate.ru/book/81754/2543726>